

АНАЛОГИЯ И "ВЕДУЩИЕ ОСНОВАНИЯ РЕШЕНИЯ" В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОСУДИИ

П.Д. БЛОХИН

Блохин Павел Дмитриевич, главный консультант аппарата судьи Конституционного Суда Российской Федерации, преподаватель юридического факультета НИУ "Высшая школа экономики" (Санкт-Петербург).

В настоящей статье автор продолжает тему правовой аналогичности в практике конституционного правосудия. На этот раз основное внимание уделяется не формальной составляющей этой проблемы (кто и в каких процедурах применяет аналогию), а содержательной (когда можно утверждать, что два дела являются аналогичными, в каком соотношении с точки зрения правовой аналогии находятся правовые позиции Конституционного Суда, иные аргументы и его итоговый вывод, в чем сложности использования решений КС РФ и прецедентов ЕСПЧ по аналогичным делам). При этом эмпирическую базу исследования преимущественно составляет новейшая практика Конституционного Суда РФ по вопросу минимальных размеров административных штрафов и по вопросу общеправовых последствий уголовного преследования. В качестве некоего ориентира для исследования автор обращается к немецкой правовой доктрине.

Ключевые слова: правовые позиции конституционного суда, ведущие основания решения, аргументация, мотивировочная и резолютивная части решения, аналогия и аналогичность, техника различий.

Analogy of law and "leading grounds of decision" in constitutional justice
P.D. Blokhin

Blokhin Pavel Dmitrievich - Leading Consultant of the judge of the Russian Constitutional Court, Lecturer of Law Department of Higher School of Economics (St-Petersburg).

In the present article the author continues to explore the topic of legal analogy in the practice of constitutional justice. This time main attention is paid not to the formal aspects of the matter (who and in which procedures applies analogy), but to its content (when it is possible to affirm the analogy of two cases, what are the relationships, from the point of view of legal analogy, between the Constitutional Court's legal positions, other arguments and final conclusions; what are the difficulties in use of the Constitutional Court's decisions and the ECHR's case-law in similar cases). The empirical basis of research is the newest case-law of the Constitutional Court, namely on account of minimal administrative fines and common legal effects of criminal prosecution. The author refers to the German doctrine as a landmark for his research.

Key words: Constitutional Court's legal positions, leading grounds of decision, argumentation, reasoning and operative parts of decision, analogy and similarity, technique of differences.

1. Формулируя итоговый вывод своего решения о конституционности или неконституционности нормы, конституционный суд, по сути, создает новую правовую норму, поскольку, как писал еще Ганс Кельзен, "так как отмена закона есть установление общей нормы, то эта функция имеет такой же общий характер, как и его создание, и отличается только своим негативным значением, то есть она является также законодательной функцией" <1>. Тем более нормотворческая функция органа конституционной юрисдикции проявляется не в случае дисквалификации законоположения, а в случае его конституционно-конформного толкования, которое придается судом с целью сохранения его в правовом поле и означает, в некоторых случаях, что тот "по существу, переписывает закон" <2>.

<1> Кельзен Г. [Судебная гарантия Конституции](#) (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. N 8, 9.

<2> Kommers D.P., Miller R.A. *The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany*: Third edition, Revised and Expanded. Duke University Press, 2012. P. 37.

Сказанное означает, в свою очередь, что, как и законодатель, Конституционный Суд РФ должен ясно и недвусмысленно обозначить пределы действия этой нормы (например, с точки зрения круга лиц,

на которые она будет распространяться помимо тех лиц, на которые ее распространил сам законодатель). Казалось бы, пределы действия итогового вывода Суда в общих чертах предопределяются предметом рассмотрения Суда в данном деле, который, в свою очередь, приблизительно задается предметом обращения заинтересованного лица, поскольку согласно [ст. 74](#) Федерального конституционного закона о Конституционном Суде Суд принимает постановления только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению. Вместе с тем сказанное совершенно не исключает некоторой дискреции Суда, на которую ориентирует нас та же [ст. 74](#), говоря, что Конституционный Суд при принятии решения не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении, а также [ст. 36](#), разграничивающая понятия "повод" (наличие обращения заинтересованного лица, в котором подвергается сомнению то или иное законоположение) и "основание" к рассмотрению дела (наличие сомнения у самого Суда в отношении конституционности этого законоположения в той или иной его части). В резолюции КС РФ мы часто можем поэтому увидеть такие формулировки, как: признать соответствующим [Конституции](#) "постольку, поскольку..." или не соответствующим "в той части, в какой...".

Слишком узкое определение предметной сферы действия этого вывода, т.е. тесная привязка его к обстоятельствам конкретного дела, способно породить новые жалобы по той же принципиальной проблеме от лиц, которые находятся в сходной, но не тождественной правовой ситуации, в то время как слишком широкое определение этих пределов грозит тем, что, напротив, рассмотрев правовую проблему на одном конкретном примере, КС РФ автоматически разрешит и иные, латентные проблемы, которые при большем приближении оказались бы сильно отличающимися от первой. Для того чтобы избежать последней крайности, Конституционный Суд пользуется известной долей самоограничения или "конституционной сдержанности" и предпочитает аккуратное, "точечное исправление дефектов проверяемых законов" <3> полному противопоставлению себя законодателю. А для того чтобы скорректировать действие первой, и существует возможность "универсализации" - использования аналогии.

<3> [Вступительная статья](#) Г.А. Гаджиева к Комментарию к Федеральному конституционному закону "О Конституционном Суде Российской Федерации" (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 672 с.

И та и другая ситуация могут стать предметом дискуссии, причем сказанное касается не только решения, отвечающего на поставленный вопрос по существу (в форме постановления или "позитивного" определения), но и определения об отказе в рассмотрении дела (в связи с отсутствием нарушения прав заявителя или правовой неопределенности нормы). Впрочем, в этом случае, конечно, едва ли можно говорить о формулировании Судом некой "нормы" в собственном смысле слова. Для нас важно то, что определение пределов действия вывода Суда не может быть произвольным, поскольку в таком случае нарушались бы названные выше нормы [ФКЗ](#) о КС РФ, предъявляющие к решениям Конституционного Суда требование обоснованности, а также общеправовые принципы правовой определенности, равенства всех перед законом и судом, справедливости.

Первая ситуация (ограничительное определение итогового вывода) может быть проиллюстрирована следующим примером. В [Постановлении](#) по делу о проверке конституционности части четвертой ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева <4> КС РФ признал данное положение [ТК](#) РФ не соответствующим [Конституции](#) в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно, запрещая увольнение по инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, исключает возможность пользоваться этой гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми. Таким образом, мы видим, что КС РФ распространил гарантию, предусмотренную трудовым законом, на лиц мужского пола, одновременно описав пределы действия своего вывода двумя юридически значимыми обстоятельствами: во-первых, речь должна идти о многодетной семье, а во-вторых, мать ребенка не должна состоять в трудовых отношениях. Это решение спровоцировало обращение нового заявителя, который счел, что указанная норма, уже в ее истолковании, данным ей самим Конституционным Судом, нарушает конституционные права граждан-мужчин, у которых в семье менее трех детей, а мать находится в отпуске по уходу за ребенком. В связи с этим КС РФ вынужден был, по сути, пояснить мотивы, по которым он сформулировал итоговый вывод именно так, а не иначе, приняв развернутое определение с позитивным содержанием по докладу судьи. В [Определении](#) об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горбунова А.Н. на нарушение его конституционных прав частью четвертой ст. 261 Трудового кодекса РФ <5> Суд указал, что, принимая

такое решение, он руководствовался двумя принципиальными соображениями: во-первых, это особое положение многодетной семьи, в которой дети в силу возраста или состояния здоровья нуждаются в постоянной заботе, а мать в связи с необходимостью осуществления ухода за ними не состоит в трудовых отношениях и, следовательно, не пользуется мерами государственной поддержки, предусмотренными трудовым законодательством для работающих женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, а во-вторых, необходимость соблюдать баланс конституционных прав работников, включая право на государственную поддержку материнства и детства, и конституционных прав работодателей на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности и на распоряжение собственностью <6>. Аналогичным образом рассуждал Суд, принимая [Определение](#) об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Г.Н. на нарушение его конституционных прав частью четвертой ст. 261 Трудового кодекса РФ <7>, чья ситуация вовсе удовлетворяла только одному из условий, очерченных Конституционным Судом в более раннем [Постановлении](#).

<4> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. N 28-П // СПС "КонсультантПлюс".

<5> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. N 434-О // СПС "КонсультантПлюс".

<6> Интересный анализ данного Постановления с точки зрения его аргументации представлен в комментарии К. Коротеева (URL: http://ilpp.ru/netcat_files/userfiles/Mnenie_experta_Koroteev.pdf).

<7> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. N 435-О // СПС "КонсультантПлюс".

Вполне пригодным примером второй ситуации может служить уже слегка утомившее юридическую общественность "дело Маркина". В [Определении](#) об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркина К.А. на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", статей 10 и 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей" <8>, КС РФ признал отсутствие нарушения конституционных прав военнослужащего данными правовыми нормами, указав при этом, что оспоренное им ограничение "согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина ([статья 55, часть 3](#) Конституции Российской Федерации)". Это вызвало несогласие Большой палаты Европейского суда по правам человека, которая сочла этот вывод несколько "огрубленным" и призвала власти РФ отталкиваться от конкретных обстоятельств дела Маркина, а именно предложила рассмотреть проблему непредоставления отпуска по уходу за ребенком не всем мужчинам-военнослужащим, а лишь тем, которые относятся к определенной их категории и выполняют определенные функции в вооруженных силах <9>. Иными словами, по мнению ЕСПЧ, в этом деле спорный вопрос (предмет рассмотрения) был определен слишком широко - впрочем, в этом можно усмотреть не столько ошибку Суда, сколько неточное формулирование заявителем своей позиции по делу и требований, обращенных в связи с жалобой к Конституционному Суду. Ведь именно на стадии принятия жалобы к рассмотрению презумпция конституционности закона проявляет всю свою юридическую мощь, и заявителю нужно приложить большие усилия, чтобы подвергнуть сомнению конституционность оспариваемой нормы в глазах Суда! Поэтому опытные практикующие юристы знают, что целесообразно "сузить" предмет обращения, а значит, и предмет рассмотрения дела. Небезынтересно в связи с этим, что Правительство РФ в конце концов предложило третий вариант решения этой проблемы: [законопроектом](#), внесенным в Госдуму РФ летом 2014 г., предлагается полностью уравнивать мужчин и женщин-военнослужащих в названных социальных гарантиях <10>.

<8> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. N 187-О-О // СПС "КонсультантПлюс".

<9> См.: [§ 148 - 149](#) Постановления ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. по делу "Константин Маркин против Российской Федерации" (жалоба N 30078/06) // СПС "КонсультантПлюс".

<10> [Проект](#) Федерального закона N 540300-6 // СПС "КонсультантПлюс".

2. Таким образом, можно утверждать, что Конституционный Суд РФ, учитывая обстоятельства конкретного правового спора в качестве неких предпосылок или вводных, формулируя (привлекая сформулированные ранее) правовые позиции, приходит к некоторому итоговому выводу. Именно так можно было бы описать структуру содержательной части решения КС РФ. В этой связи совсем не праздным оказывается вопрос о том, в каком соотношении находятся между собой эти три элемента и

насколько сильно они связаны в единую логическую цепочку. При этом в понимании того, что такое правовая позиция, мы соглашаемся с С.П. Мавриным, который замечает, что правовые позиции "всегда основываются либо должны основываться на убедительных правовых аргументах, к числу которых могут, в частности, относиться: определенный тип правопонимания, отдельные положения конституционно-правовой доктрины, результаты толкования, истолкования либо интерпретации конституционных и иных норм права применительно к решению конкретного дела. Однако отсюда вовсе не следует, что саму правовую позицию при этом нужно отождествлять с отдельными аргументами либо с системой аргументации, положенными Судом в обоснование своего решения" <11>. Из сказанного следует по крайней мере два важных взаимосвязанных умозаключения: во-первых, правовая позиция, хотя она, по словам судьи Маврина, и "носит общий характер в том плане, что она распространяет свое действие не только на тот конкретный случай, который стал предметом рассмотрения в Конституционном Суде, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике" <12>, все-таки формулируется, имея в качестве исходной точки конкретное дело. Во-вторых, правовая позиция является лишь частью "системы правовой аргументации", а значит, остальные элементы этой системы также нуждаются в некотором определении и соотношении друг с другом. Учитывая, что С.П. Маврин справедливо отказывается отождествлять правовую позицию как со всей системой аргументов в мотивировочной части решения, так и с основной резолюцией по вопросу о конституционности нормы, излагаемой в постановляющей части решения, последний вопрос можно было бы редуцировать в три более конкретных. Во-первых, в каком соотношении находятся друг с другом собственно правовая позиция и иные аргументы, на фоне которых она высказана и только лишь с учетом которых оспариваемая норма и была оценена Судом, во-вторых, в каком соотношении с правовой позицией находится итоговый вывод, который, к слову, очень часто дословно продублирован как в начале резолютивной, так и в конце мотивировочной частей решения, а в-третьих, в какой степени изменится итоговый вывод при неизменности правовой позиции, положенной в его основание, но при изменении этих аргументов?

<11> Маврин С.П. [Некоторые соображения о понятии](#) правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. N 4. С. 12 - 18.

<12> Маврин С.П. [Правовые позиции Конституционного Суда](#) Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. N 6. С. 23 - 33.

Понятию "правовые позиции" близок такой термин из немецкой конституционно-правовой доктрины, как "ведущие основания (причины) решения", т.е. часть обоснования решения, представляющая собой толкование норм [Основного Закона](#), при исключении которой в конкретном случае с точки зрения правовой логики будет невозможен итоговый вывод Федерального конституционного суда <13>. Это явление может быть продемонстрировано, в частности, на примере обращения Федерального конституционного суда к выработанному им еще в 1995 г. "принципу разделения пополам" или "50-процентному правилу", согласно которому налоговое бремя не должно превышать 50% дохода, с тем чтобы не нарушалось право собственности. В одном из последующих своих решений <14> ФКС указывал следующее. Обоснование "принципа разделения пополам" является обязательным согласно ч. 1 ст. 31 Закона о Федеральном конституционном суде ФРГ, так как оно относилось к ведущим основаниям решения. Отнесение конкретной части принятого решения к ведущим основаниям зависит от того, была ли она обозначена в качестве таковых. Второй Сенат Федерального конституционного суда четко определил обоснование "принципа разделения пополам" как ведущее основание решения и включил его в число руководящих принципов. Объем текста мотивировочной части решения Суда, относящийся к "принципу раздела пополам", также свидетельствует о том, что речь не шла о "попутно сказанном" (*obiter dictum*). Лейтмотивом ведущих оснований решения являются те правовые принципы, которые не могут быть проигнорированы и к которым следует отнестись предельно внимательно, чтобы результат решения суда не был утерян среди мыслей, выраженных в судебном решении. Таким образом, определяющими не считаются любые правовые обоснования, не связанные с мотивами принятого решения. При оценке причин решения как ведущих оснований, следует исходить из изложенного обоснования в его объективном содержании. Так как резолютивная часть решения отсылает исключительно к [ст. 3 ч. 1](#) Основного Закона, только такие обоснования судебного решения относятся к ведущим причинам, которые касаются нарушения равенства налогообложения имущества. Обоснование "принципа разделения пополам" в данном случае сюда не относится.

<13> Блохин П.Д., Кряжкова О.Н. Как защитить свои права в Конституционном Суде. Практическое руководство по обращению с жалобой в Конституционный Суд России. М.: Институт права и публичной политики, 2014. С. 172.

<14> BVerfG, 2 BvR 2194/99 vom 18.1.2006// <http://www.bverfg.de/>.

Указывая на свойство обязательности решений ФКС, немецкие судьи поясняют, что "обязывающими являются также и ведущие основания решения, когда они касаются конституционного права" <15>. Говоря о прецедентном характере этих самых ведущих оснований решения, Т. Маунц в учебнике по государственному праву ФРГ подчеркивал, что "эта обязывающая сила не распространяется просто на обоснование решения, в особенности на замечания в обосновании, не имеющие значения для результатов решения" <16>.

<15> URL: <http://enu.kz/repository/repository2014/hund.pdf>.

<16> Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР): Пер. с нем.; Под ред. Г.С. Гурвич; Пер.: Ю.П. Урьяс. М.: Инстр. лит., 1959. С. 377.

Думается, что этот краткий экскурс в теорию германского конституционного правосудия позволяет лишь в некоторой степени приблизиться к ответам на поставленные вопросы. Несомненный вывод состоит в том, что такое явление, как "правовая позиция" или "ведущее основание решения", заслуживает к себе внимательного отношения - прежде всего в том, что касается самого его определения и отграничения от иных аргументов, которые не заслуживают того, чтобы именоваться "ведущими". В этом смысле можно согласиться с мнением о том, что "даже судьи КС РФ не всегда приходят к единому мнению о наличии или отсутствии определенной правовой позиции в том или ином решении, вынесенном ранее" <17>.

<17> Чернышев И.А. [Правовые позиции в решениях Конституционного Суда России](#) // Журнал конституционного правосудия. 2009. N 5. С. 17.

3. В п. 4.2 известного Постановления по делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Маслянский хлебоприемный пункт" сказано: "... при введении в качестве меры административной ответственности значительных по размеру безальтернативных административных штрафов законодатель в силу конституционных требований соразмерности и индивидуализации юридической ответственности обязан вводить соответствующие правила назначения и исполнения административных наказаний, в том числе критерии, позволяющие надлежащим образом учитывать имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности лица" <18>. Это утверждение, предположительно, является правовой позицией или "ведущим основанием решения": оно основывается на толковании конституционных принципов, имеет общее, нормативное значение, привносит в правовую реальность нечто новое, не существовавшее ранее, и т.д. <19>. Впоследствии, разрешая подобные дела, Конституционный Суд также указывал, в частности, в решении по делу об "иностранцах агентах" <20>, что эта правовая позиция (в числе прочих) имеет "конституционно-методологическое значение" при оценке конституционности размеров нижних границ административных штрафов.

<18> [Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. N 1-П](#) // СПС "КонсультантПлюс".

<19> Недаром в решениях судов можно встретить вполне осознанные ссылки именно на этот фрагмент решения - см.: [Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2013 г. по делу N А56-54918/2012](#) // СПС "КонсультантПлюс".

<20> [Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. N 10-П](#) // СПС "КонсультантПлюс".

Между тем для определения "охвата" этой правовой позицией и возможности применения ее ко множеству новых правовых ситуаций необходимо установить сферу ее приложения или, если угодно, ее "нормативный потенциал". В данном случае эти пределы отчасти уже заложены текстуально в ней самой, т.е. составляют ее органическую часть *expressis verbis* (например, говорится, что речь идет именно о "безальтернативных" штрафах). В этом смысле она является логическим продолжением более общей правовой позиции, на которую Суд ссылается в решении ранее: "... конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного

принуждения". В данном случае КС РФ, применяя универсальную правовую позицию, через ее детализацию в новой, более узкой и определенной, приходит к конкретному итоговому выводу. С точки зрения правовой философии это можно было бы условно назвать своего рода "эманацией" правовых идей в процессе рождения решения КС РФ, т.е. их перехода от высшей и совершенной онтологической ступени универсума к менее совершенным и низшим ступеням.

Но между этими ступенями существуют некоторые промежуточные шажки, которые могут быть установлены путем обращения к остальной части текста решения, а точнее, к условиям и обстоятельствам дела, имея в виду которые Суд пришел к итоговому выводу. Во-первых, Суд учитывал, что оспариваемые штрафы являются "значительными по размеру" и что их применение может "отразиться на имущественном положении некоторых категорий юридических лиц". Во-вторых, указанная санкция являлась безальтернативной, поскольку освобождение от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного правонарушения (которое могло бы быть "единственной альтернативой") не может "использоваться для целей учета имущественного и финансового положения привлекаемого к административной ответственности юридического лица". В-третьих, Суд особо подчеркнул, что предусмотренные сегодня порядок и сроки отсрочки и рассрочки уплаты данного штрафа "могут быть недостаточными", а возможность продления этих сроков не предусмотрена. В более позднем постановлении по проблеме административных штрафов <21> КС РФ также акцентировал внимание, в первую очередь, именно на три эти обстоятельства: что даже минимальные размеры штрафов "как минимум сто тысяч рублей" "сопряжены со значительными денежными затратами"; что установленная законом санкция в виде штрафа является "преимущественно безальтернативной"; что институт отсрочки и рассрочки в его действующем виде также не решает этой проблемы.

<21> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. N 4-П // СПС "КонсультантПлюс".

Представляется, что эти параметры правовой системы и задают пределы универсализации правовой позиции. При изменении некоторых из них автоматическое ее применение уже не может привести к тождественному итоговому выводу. Например, если законом будет установлена возможность существенно более длительной отсрочки или рассрочки исполнения принятого решения о наложении административного штрафа, а ответственность за нарушение соответствующих сроков не будет столь "обременительной", можно ли будет утверждать, что большие по размеру нижние границы штрафа будут "сопряжены с риском неконституционных издержек"? Можно ли будет утверждать также, что закон по-прежнему не предусматривает "действенные средства для справедливого и пропорционального содеянному реагирования на совершенное административно-противоправное деяние"?

Применительно к гражданам и должностным лицам в "[деле о митингах](#)" <22> и в "[деле об иностранных агентах](#)" <23> КС РФ учитывал два основных момента, которые совпадают с теми, что упомянуты в двух названных выше делах. Во-первых, это то, что "применение к некоммерческим организациям и их должностным лицам административного штрафа даже в указанных минимальных размерах при определенных обстоятельствах может приводить к избыточному ограничению права собственности", что "при применении за указанные административные правонарушения даже минимально возможного размера административного штрафа граждане и должностные лица вынуждены нести денежные потери, нередко превосходящие уровень их среднемесячной заработной платы". Во-вторых, это безальтернативность наказания в виде штрафа, что наиболее остро проявляется "по отношению к должностным лицам, которые за совершение указанных административных правонарушений могут быть подвергнуты только административным штрафам, а также к тем категориям граждан, к которым в соответствии с [Кодексом](#) Российской Федерации об административных правонарушениях не могут применяться альтернативные наказания в виде административного ареста". Что же касается величины нижней границы штрафа, которая не являлась бы чрезмерной и в отсутствие возможности назначения наказания ниже низшего предела, то применительно к физическим лицам и должностным лицам она описана Судом как максимальный размер, установленный в качестве общего правила согласно [ст. 3.5](#) КоАП (т.е. 5 тысяч и 50 тысяч рублей соответственно). Следовательно, здесь также возникает вопрос: возымеет ли свое действие правовая позиция КС РФ, если вновь оспариваемое законоположение будет устанавливать, предположим, штраф для должностных лиц в минимальном размере, равном не 50, а 25 тысячам рублей?

<22> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. N 4-П // СПС "КонсультантПлюс".

<23> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. N 10-П // СПС "КонсультантПлюс".

В связи с указанными вопросами читателю будет весьма интересно сравнить названные Постановления с Определениями по жалобе гражданина А.Л. Харланова и по жалобе гражданина И.Б. Камешкова, которые к моменту выхода в свет настоящей статьи уже будут официально опубликованы.

Возникают и многие другие вопросы: например, можно ли предположить какие-то административно-правовые составы, на которые в силу их особенно большой (или, наоборот, совсем незначительной) общественной опасности указанная правовая позиция вовсе не будет распространяться даже при соблюдении прочих условий; сколько из этих самых условий, оказавших влияние на Суд при принятии решения, должно измениться, чтобы изменилось и решение Суда, и т.д.?

4. Требование обоснованности судебного решения предполагает, что распространение правовой позиции на новое дело или, наоборот, отказ в таком распространении нуждается в обосновании непосредственно в тексте решения. Если сам Конституционный Суд РФ отказывается применить в отношении одного дела подход, примененный им ранее в отношении аналогичного ему первого дела, то он должен продемонстрировать, что между этими двумя делами имеются существенные различия (а значит, они не являются аналогичными). При этом существенными можно считать лишь такие различия, от которых (в их совокупности) зависит итоговый вывод о конституционности или неконституционности нормы. Между прочим, как отмечает известный ученый и судья Л. Гарлицкий, именно эта методология "техника различий" может считаться единственным цивилизованным способом (в отличие от банальной избирательности) преодоления Конституционным Судом решения ЕСПЧ по схожей правовой проблеме <24>. Несмотря на то что роль техники различий в романо-германской правовой системе не столь очевидна, как в англосаксонской, кажется, что европейские органы конституционного контроля используют ее подобие в качестве методологии - соотнося "конкретное" с "конкретным", чтобы установить или опровергнуть решающее сходство решающих фактов", а отличия "оставить в стороне как попутные и несущественные для дела или, напротив, придать им решающее значение" <25>. Просто, по выражению Т.Г. Морщаковой, которая рассуждает о прецедентном или преюдициальном значении решений КС РФ, "в конституционном судопроизводстве как бы видоизменяется само понятие факта" <26>, который становится более "юридизированным", относящимся скорее к правовому измерению, а не к окружающей нас реальной действительности. По нашему мнению, именно в этой тонкой работе состоит "техника различий" в конституционном правосудии, а вовсе не в "поиске в своих решениях правовых позиций, которые подошли бы для разрешения нового дела" <27>.

<24> Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. Сборник докладов. М., 2006.

<25> Арановский К.В., Князев С.Д. Судьба судебного прецедента в романо-германском праве // Журнал конституционного правосудия. 2013. N 4. С. 30 - 39.

<26> Морщакова Т.Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. N 6. С. 29.

<27> Чернышев И.А. Правовые позиции в решениях Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2009. N 5. С. 1 - 7.

Говоря о демонстрации наличия или отсутствия аналогичности, следует сказать, что она может быть более подробной, развернутой или менее подробной (подразумеваемой) в случае, когда она очевидна. Например, в Постановлении по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Фирма Рейтинг" <28> КС РФ особенно подчеркнул, что приведенные правовые позиции Конституционного Суда, "выраженные применительно к деятельности акционерных обществ, распространяются и на деятельность обладающих схожей корпоративной природой обществ с ограниченной ответственностью". Нельзя не согласиться с тем, что "чем более схожи между собой дела, тем более убедительно применение аналогии" <29>, а убедительность решений, их обоснованность и даже некоторая предсказуемость в цивилизованном обществе являются гарантом авторитета самого Суда и гарантией неукоснительного исполнения этих решений. Несколько отвлекаясь в сторону, можно отметить, что здесь проявляет себя такая философско-правовая категория, как "очевидность", - ее значение в конституционном правосудии довольно велико (в отечественной и зарубежных правовых системах распространено такое понятие, как "явная" недопустимость жалобы или "очевидная" необоснованность требований). Имея правовое значение, она основывается на таких общечеловеческих свойствах, как разумность, здравый смысл, интуиция.

<28> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2014 г. N 3-П // СПС "КонсультантПлюс".

<29> Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. Vol. 14. 2013. No. 8. P. 1215 - 1278.

Эти размышления интересно проиллюстрировать на примере [Определения](#) об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизева А.В. на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 29 Федерального закона "О полиции" и пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" <30> и заявленного по этому определению судьей А.Н. Кокотовым мнению. Предыстория этого дела состоит в следующем. В [Постановлении](#) по делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерова, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина" <31> КС РФ пришел к выводу, что оспариваемые нормы противоречат [Конституции](#) РФ, как предполагающие обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение его со службы, если в отношении его уголовное преследование по делу частного обвинения прекращено в связи с примирением сторон до вступления данного законоположения в силу. В названном [Определении](#) КС РФ, в свою очередь, отказал в принятии к рассмотрению жалобы от сотрудника правоохранительных органов, уволенного на основании тех же норм, в связи с тем что ранее в отношении его было прекращено уголовное дело публичного обвинения. При этом Суд подчеркнул, что отказ в рассмотрении дела не противоречит выводам, к которым пришел Суд в [Постановлении](#), "поскольку неконституционность данной нормы была констатирована лишь в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она предполагает обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение его со службы, если в отношении его уголовное преследование прекращено в связи с примирением сторон до вступления данного законоположения в силу исключительно по делам частного обвинения". Тем самым КС РФ определил (а точнее, артикулировал) жесткие пределы действия своей правовой позиции, отказавшись ее "универсализировать". Судья А.Н. Кокотов, изучавший данную жалобу в предварительном порядке, не согласился с этим, указав, что "требовалась проверка допустимости распространения данной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающейся только дел частного обвинения, на случаи прекращения в отношении сотрудников органов внутренних дел уголовного преследования по делам публичного обвинения в связи с примирением сторон. Однако такая проверка предполагала принятие жалобы заявителя к рассмотрению".

<30> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. N 1211-О // СПС "КонсультантПлюс".

<31> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. N 7-П // www.ksrf.ru.

Для того чтобы понять, какая из двух позиций является наиболее обоснованной, следует выявить, какие доводы в системе аргументации прошлого [Постановления](#) стали решающими. Мы находим их в [пункте 3.1](#): во-первых, заявитель, соглашаясь на прекращение преследования по нереабилитирующему основанию, не мог предвидеть последствия этого процессуального шага для своей будущей карьеры; во-вторых, закон не предполагает возможности учета последующего поведения сотрудника и успешного прохождения им аттестации, что делает оспариваемое регулирование несправедливым, не отвечающим требованиям правовой определенности. Чем являются эти доводы в структуре решения: самостоятельной правовой позицией, ее частью или же "иными аргументами"?

При этом в данном [Постановлении](#), хотя по тексту в разных его местах и имеется "привязка" именно к делам частного обвинения (в том числе и в резолютивной части), нет ничего, что объясняло бы значение этой привязки для итогового вывода и препятствовало бы, избавившись от нее, распространить этот вывод и на иные случаи. А.Н. Кокотов, тем не менее, допускает (и это допущение, видимо, является единственным объяснением), что "прекращение уголовного преследования сотрудников органов внутренних дел в связи с примирением сторон по делам публичного обвинения отличается от такого прекращения по делам частного обвинения, что задано большей опасностью, с точки зрения законодателя, преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке публичного обвинения". Но и это обстоятельство, продолжает он, вовсе однозначно не исключает допустимость распространения правовой позиции Конституционного Суда на настоящее

дело. Таким образом, основной вопрос сводится к тому, является ли указанное различие "существенным" или же два этих дела могут считаться "относительно тождественными" (т.е. аналогичными), поскольку различие между ними, выражаясь словами Г. Лейбница, "исчезающе мало" <32>. В отсутствие как очевидного ответа, так и подсказки в самом тексте решения мы можем попытаться найти его в предшествующей практике Суда. В одном из [Постановлений](#) он действительно отмечает, что "федеральный законодатель исходил из того, что такие преступления (дела частного обвинения) относятся к числу не представляющих значительной общественной опасности" <33>. С другой стороны, известно, что в отличие от уголовных дел частного обвинения прекращение уголовных дел частно-публичного или публичного обвинения в связи с примирением сторон допустимо при выполнении ряда законодательно предусмотренных условий, а потому возникает вопрос, насколько справедливо считать лицо, предположительно совершившее такое деяние, "менее благонадежным", несущим большую опасность для окружающих, по смыслу оспариваемого закона. Таким образом, возможны аргументы как за, так и против рассматриваемого решения с точки зрения проблемы правовой аналогичности.

<32> Гаджиев Г.А. [Методологические проблемы](#) "прецедентной революции" в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. N 4. С. 58.

<33> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. N 19-П // СПС "КонсультантПлюс".

5. Применение в конституционном судопроизводстве прецедентов ЕСПЧ (тем более вынесенных по делам против других государств) позволяет, на наш взгляд, еще глубже погрузиться в поставленную проблему, поскольку такое применение предполагает соприкосновение не только двух разных юрисдикций, но и разных методологий, научно-аналитических инструментариев. Примером может быть [Постановление](#) по делу о проверке конституционности положений части пятой ст. 244.6 и части второй ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко <34>. Заявители обжаловали отдельные нормы ГПК России, допуская рассмотрение судом апелляционной инстанции без извещения лиц, участвующих в деле, частных жалоб на ряд определений суда первой инстанции. Нарушение своих прав заявители усматривали в том, что эти нормы, не предполагая обязанности суда извещать лицо, участвующее в деле, о времени и месте рассмотрения его частной жалобы, не позволяют такому лицу реализовать свои процессуальные права, в том числе принимать участие в открытом заседании суда апелляционной инстанции по рассмотрению своей частной жалобы или направлять в заседание своего представителя-адвоката, быть выслушанным судом, заявлять отвод составу суда при наличии к тому установленных законом оснований. Представители госорганов, выступавшие в суде, а также ученые, направившие свои заключения, ссылались на целый ряд постановлений ЕСПЧ, при этом приходя к противоположным выводам о нарушении оспариваемыми нормами конвенционных прав. Возможно, причина кроется в том, что обстоятельства этих дел не являлись аналогичными тем, что имели место при рассмотрении дела названных заявителей в КС РФ, поэтому правовые позиции ЕСПЧ наиболее общего характера (о том, что есть право на справедливый суд) могли быть использованы, а конкретные выводы нет. Так, например, в деле "Саттер против Швейцарии" <35> речь шла о кассационной, а не апелляционной проверке решений, причем в более позднем [деле](#) "Экбатани против Швеции" <36> ЕСПЧ подчеркнул, что в деле Саттера вопрос касался "такой инстанции, перед которой никогда не стоит задача установления фактов по делу, а только толкование затронутых норм права". В деле "Моннел и Моррис против Соединенного Королевства" <37> речь шла и вовсе не о рассмотрении апелляционной жалобы как таковой, а о рассмотрении предварительного "заявления о разрешении на подачу апелляционной жалобы". Из дела "Камасински против Австрии" <38> следовало, что адвокат подсудимого в таких процедурах приглашается судом к участию в заседании и имеет возможность изложить все соображения суду в устной форме. Конечно, вопрос о существенности этих и других различий мы оставляем для специалистов в области процессуального права. Следует отметить также, что Конституционный Суд учитывал подобные нюансы европейской судебной практики и отметил в упомянутом [Постановлении](#), в частности, что "должны приниматься во внимание особые характеристики разбирательства и способ представления и обеспечения интересов защиты в суде второй инстанции, прежде всего с учетом разрешаемых вопросов и их значения для лица, обжалующего решение" ([абз. 4 п. 2.2](#)). В этом же состоит и сложность применения в конституционном судопроизводстве законодательства и судебной практики зарубежных государств: мало того, что необходим постоянный мониторинг их актуальности (например, не было ли решение национального верховного суда скорректировано им же в более позднем решении?), необходимо также учитывать всю специфику правовой системы государства (не компенсируется ли то или иное известное ограничение какой-то неизвестной нам дополнительной

гарантией?).

<34> [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. N 29-П // СПС "КонсультантПлюс".

<35> Case of Sutter v. Switzerland, Application no. 8209/78 // <http://hudoc.echr.coe.int>.

<36> Case of Ekbatani v. Sweden, Application no. 10563/83 // <http://hudoc.echr.coe.int>.

<37> Case of Monnell And Morris v. The United Kingdom, Application no. 9562/81; 9818/82 // <http://hudoc.echr.coe.int>.

<38> Case of Kamasinski v. Austria, Application no. 9783/82 // <http://hudoc.echr.coe.int>.

Установление аналогичности правоотношений (фактических составов), в отличие от аналогичности нормы (правовой проблемы), по нашему мнению, требует еще более скрупулезного анализа всех фактических обстоятельств (хотя, как сказано выше, эти два познавательных процесса имеют родственную природу). Это хорошо заметно при применении общими и арбитражными судами прецедентов Европейского суда по правам человека, на что обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ, специально говоря о том, что правовая позиция ЕСПЧ учитывается Судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда <39>. В качестве одного из многих примеров можно привести проблему изменения обвинения в сторону смягчения в ходе судебного разбирательства: в Постановлениях по делу "[Селиверстов против России](#)" <40>, а также "Абрамян против России" <41> ЕСПЧ признал нарушенным право заявителей на судебную защиту, гарантированное ст. 6 Европейской конвенции, вследствие изменения обвинения на более мягкое в ходе судебного слушания. Верховный Суд РФ в ряде своих решений наработал практику применения данных постановлений, каждый раз устанавливая аналогичность обстоятельств дел и учитывая два фактора, ставших решающими при принятии постановлений Европейского суда, а именно - было ли подсудимому предоставлено время для подготовки позиции защиты по новому обвинению и имелась ли возможность обращения с жалобой в суд вышестоящей инстанции в ординарном порядке <42>. Если ответ положительный, то дела уже нельзя считать аналогичными, а нарушение права отсутствует. Таким образом, итоговый вывод ЕСПЧ о нарушении прав, равно как и правовая позиция о праве на справедливый суд, действуют в определенных условиях и могут быть корректно поняты и применены только с учетом этих условий. По этой причине недостаточно публиковать только извлечения или рефераты постановлений ЕСПЧ на русском языке, как это предлагают некоторые практикующие юристы и как это, по сути дела, и имеет место сегодня.

<39> [Постановление](#) Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней" // СПС "КонсультантПлюс".

<40> [Постановление](#) ЕСПЧ по делу "Селиверстов против России" от 25 сентября 2008 г. по жалобе N 19692/02 // СПС "КонсультантПлюс".

<41> [Постановление](#) ЕСПЧ от 9 октября 2008 г. "Дело "Абрамян против Российской Федерации" (жалоба N 10709/02) // СПС "КонсультантПлюс".

<42> См., например: [Определение](#) судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2010 г. N 43-О10-22 // СПС "КонсультантПлюс"; Кассационное [определение](#) Верховного Суда РФ от 9 июня 2011 г. N 44-О11-39 // СПС "КонсультантПлюс".

В целом можно заметить, что Конституционный Суд, принимая решение, выходит на несколько иной уровень "генерализации" собственных выводов, нежели ЕСПЧ, который чрезвычайно большое внимание уделяет всему правоприменительному контексту, который сложился вокруг конкретной личности заявителя во всем многообразии фактических обстоятельств дела <43>. Конечно, это обусловлено во многом его юрисдикцией (контроль нарушений прав действиями властей), которая не совпадает с юрисдикцией Конституционного Суда (контроль конституционности норм), а также подходом, в большей степени основывающимся на методологии прецедента и технике различий. Хотя фактические обстоятельства дела, безусловно, учитываются КС, например, при решении вопроса о принятии жалобы к рассмотрению и о том, не было ли нарушено (восстановлено) право заявителя в ординарном порядке. В противном же случае уменьшалась бы нормативная ценность решений органа конституционного контроля, практика была бы слишком казуистичной, а цель защиты Конституции размывалась бы потоком из множества разнообразных жизненных ситуаций. Другое дело, что, как мы видим, у этой генерализации есть объективные пределы, рассчитанные на то, чтобы Суд мог решать разные правовые ситуации по-разному, принимая компромиссные решения, широко используя весьма гибкий тест на

пропорциональность и не будучи раз и навсегда связанным неким далеко идущим выводом. Собственно, во многом именно идея пропорциональности, состоящая в том, что всякое ограничение права должно быть обоснованным, необходимым и соразмерным, при том что эти понятия являются весьма амбивалентными и допускают множественность толкований, позволяет Суду в каждом деле проявлять усмотрение и гибкость, которые не выглядели бы произволом и казуистикой. Так, названные нами дела об административных штрафах, в которых КС РФ широко использовал принцип соразмерности административного наказания, с легкой руки представителей Высшего Арбитражного Суда, пресса прозвала не иначе как "инъекция справедливости" [КоАП РФ](#).

<43> Ср., например: § 120 - 126 Постановления от 31 мая 2011 г. по делу "Ходорковский против Российской Федерации" и § 64 Постановления от 11 декабря 2012 г. по делу "Свинаренко и Сляднев против России" // <http://hudoc.echr.coe.int>.

6. С учетом сказанного важно то, что далеко не всегда иной итоговый вывод Суда в новом (на первый взгляд аналогичном) деле означает, что Суд изменил свою правовую позицию, отказался от нее или проигнорировал. Это может означать и то, что новое дело по своим исходным параметрам не позволило механически приложить известную правовую позицию, а сама она осталась неизменной в некоем метафизическом пространстве юридических концептов, о котором пишет Г.А. Гаджиев <44>. Правовая позиция, являясь суждением по поводу конституционных принципов, обладает, по нашему мнению, стабильностью и "запасом прочности", сопоставимым с самой [Конституцией](#), - именно поэтому в сегодняшних судебных актах КС РФ мы можем встретить ссылки на его решения середины 1990-х годов.

<44> Гаджиев Г.А. *Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)*. М.: НОРМА, 2013.

Собственно же изменение ("динамическая корректировка") правовой позиции также может иметь место в исключительных случаях, например в случае изменения "в правовой системе, в условиях повседневной жизни, в общесоциальном контексте" <45>, равно как случается целенаправленный отказ от правовой позиции, если Суд сочтет, что им была допущена ошибка <46>, а также такие явления, известные практике как своего рода "девальвация правовых позиций" КС РФ <47> и их отторжение практикой - все это, как представляется, предмет уже совсем другого исследования. В любом случае, едва ли можно утверждать, что "КС РФ никак не связан правовыми позициями из прежнего решения" и что "он может использовать правовые позиции как довод (аргумент), но может игнорировать все правовые позиции, содержащиеся в прежних решениях, и вынести новое, основанное на абсолютно новом видении проблемы, уже изучавшейся им ранее" <48>. Напротив, по словам К.В. Арановского и С.Д. Князева, он "больше, чем другие суды, должен полагаться на свои же правовые позиции, т.е. "следовать решенному" <49>.

<45> Jaeger R., Bro S. *The Relations Between the Constitutional Courts and the Other National Courts, Including the Interference in This Area of the Action of the European Courts: Report of the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany. Conference of European Constitutional Courts. XIth Congress. Brussels, Egmont Palace, 14 - 16 May 2002. P. 15* (URL: <http://www.confueconstco.org/reports/rep-xii/Duitsland-EN.pdf>).

<46> Kommers D.P., Miller R.A. *The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany: Third edition, Revised and Expanded*. Duke University Press, 2012. P. 37.

<47> Тютин Д.В. *Девальвация некоторых правовых позиций Конституционного Суда РФ по налогам* // *Налоговед.* 2014. N 6. С. 32 - 39.

<48> Чернышев И.А. [Правовые позиции](#) в решениях Конституционного Суда России // *Журнал конституционного правосудия*. 2009. N 5. С. 17.

<49> Арановский К.В., Князев С.Д. [Судьба судебного прецедента](#) в романо-германском праве // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. N 4. С. 30 - 39.

Представляется, что вопрос об универсализации правовых позиций Конституционного Суда сводится, в общем, к двум основополагающим моментам: содержательный - насколько определенно Конституционный Суд формулирует пределы действия своей правовой позиции (иными словами, каковы те существенные условия, при изменении которых изменится итоговый вывод Суда) и формальный - в какой степени возможно задействовать конституционное судопроизводство (осуществляемое в форме вынесения определения или же постановления в порядке письменного производства) для решения все новых и новых однотипных задач, а в какой - усилия всех иных органов власти. [Статья 47.1](#) ФКЗ о Конституционном Суде предусматривала ранее возможность рассмотрения дела без проведения

слушания в случае, если Суд придет к выводу о том, что оспариваемые заявителем положения нормативного правового акта аналогичны нормам, ранее признанным не соответствующими **Конституции**. И ранее ученые-конституционалисты и сами судьи указывали, что "Конституционный Суд подходит к интерпретации данного законоположения с достаточно широкими позициями, полагая, что письменное производство вполне уместно, если оспариваемая норма обладает заметным (ощутимым) сходством с нормами, ранее признанными неконституционными" <50>. Тем более нельзя не обратить внимание на то, что новая редакция этой статьи не случайно сформулирована иначе, а именно речь идет о случаях, когда КС РФ придет к выводу о том, что вопрос о конституционности нормативного правового акта может быть разрешен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации правовых позиций. Это свидетельствует в принципе, что, с точки зрения законодателя, Конституционный Суд вправе широко использовать свои правовые позиции, не ограничиваясь случаями, когда нормы аналогичны, а тем более идентичны, но и когда имеется сходство целых правовых проблем, а равно когда ранее Судом высказаны позиции общего характера, допускающие большую степень "универсализации". Это, в свою очередь, означает, что Суд пользуется большой дискрецией в вопросе о том, какие различия между двумя делами считать "исчезающе малыми", а какие - существенными. Он может делать это в упрощенной процедуре, без заслушивания устных выступлений сторон и без получения экспертных заключений, а ориентируясь на свое понимание аналогичности, которое, к слову, на стадии принятия обращения к рассмотрению имеет интуитивный, вероятностный характер. И несмотря на то что провести четкую грань между тем, что тождественно, а что подобно, не представляется возможным, важно, чтобы это усмотрение Суда подчинялось некоторой доступной для понимания методологии и ограничивалось конституционным требованием правовой определенности, равенства всех перед законом и судом, справедливости.

<50> Арановский К.В., Князев С.Д. [Еще раз о письменном отправлении](#) конституционного правосудия в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2012. N 4. С. 8 - 15.